

**Редакционный Совет Библиотеки
журнала “AMANAT”**

Роллан Сейсенбаев
(Казахстан) —
Главный редактор —
Председатель Совета

Абиш Кекильбаев

(Казахстан)

Алтынбек Сарсенбаев

(Казахстан)

Анатолий Ким

(Россия)

Аятолла Хьюбш

(Германия)

Валентин Распутин

(Россия)

Имангали Тасмаганбетов

(Казахстан)

Клара Серикбаева

(Казахстан)

Кэндзабуро Оэ

(Япония)

Леон Робель

(Франция)

Мырзатай Жолдасбеков

(Казахстан)

Мурат Ауэзов

(Казахстан)

Мухтар Кул-Мухамет

(Казахстан)

Олжас Сулейменов

(Казахстан)

Осман Тюркай

(Турция)

Пентти Холоппа

(Финляндия)

Хазрат Мирза Тахир Ахмад

(Великобритания)

Чингиз Айтматов

(Киргизия)

**10-летию Республики
Казахстан посвящается**

ҒАБИТ
МУСРЕПОВ

КЕЗДЕСПЕЙ
КЕТКЕН
БІР
БЕЙНЕ

ГАБИТ
МУСРЕПОВ

ОДНАЖДЫ –
И
НА
ВСЮ
ЖИЗНЬ

• Международный клуб Абая •
Семей • 2002

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

ББК 84 Каз. 7-44
М 11

Проза XX века

Перевод с казахского

Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

На обложке работа художника
Агимсала Дузелханова

Дизайн Рустема Еспаева

523345

Текст печатается по изданию:

Однажды – и на всю жизнь. Избранные повести
и рассказы.

Алма-Ата, издательство “Жазушы”. 1968

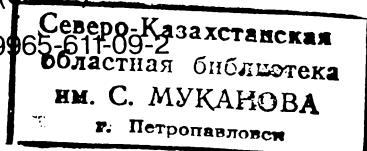
Габит Мусрепов.

Однажды – и на всю жизнь. Избранные повести
и рассказы.

 2002 г. 256 стр.

М 4702250201
00(05-02)

ISBN 9965-611-09-2

Адамзат баласының алдында үш айғақты зор міндет тұр: бірі — б е й б і т ш і л і к т і, екіншісі — р у х а н и я т т ы, үшіншісі — т а б и ғ а т т ы қорғау һәм сақтап қалу. Бұлардың қай-қайсысы да біздің тіршілігіміздің басты бағдары. Бір-бірін толықтыратын ұғымдар. Осы үш бастауға Қазақстанның ғана емес, бүкіл Әлемнің болашағы байлаулы.

Бола ма, жоқ па деген Адамзат тіршілігіне бағытталған Гамлет күмәні: егер біз оған мән беріп, құлақ аспасақ адамзат алдында мәңгі шешілмес сұрақ болып қалатыны сөзсіз. Техникалық даму әлемде құлашын кеңге жайды, осыған орай адам да табиғатты құл қылуға барын салуда. Ұлы бабаларымыз қолдан соққан әлемдік мәдениет пен ойдың көзсіз мұхитын меңгеруде біздер олқы түсіп жатырмыз.

Өкінішке орай, әлем халықтары бастарына төнген қатерді аңғаруда мешеулік танытуда.

Интеллектуалдық және идеологиялық көзсіздік қоғамда болып жатқан ақиқаттан алыстатып, адамды апат жолына — моральдық, адамгершілік, рухани дағдарысқа белшесінен батырды.

Үшінші мыңжылдық біздің ортақ үйіміз — ЖЕР — БЕСІГІМІЗДЕ төтенше өзгертулер енгізуді талап етеді.

Өзінің биік, таза, рухани қасиетімен Кітап — мәдениет пен руханиятты қорғауда теңдесі жоқ қару болып табылады.

Кітап — адамзат баласына ағарту һәм білім сыйлай береді.

Кітап беттерінде адамзат тіршілігінің сан қилы құпия сырлары сақталған.

Кітап — уақыт пен кеңістіктің тынысына толы адамзат ойының жемісі.

Адамзат кітапқа өзінің қасиетті сезімі мен жан жылуын сеніп тапсырған.

Кітап біздің алға жылжуымызда, катаклизмдардан

арылуымызда, адамгершіліктің биік шыңына көтерілуде өлшеусіз ақыл қосады.

Кітап — ең сабырлы ұстаз.

Тек кітап қана қайырымдылық пен айуандықтың, ақиқат пен жалғанның ара жігін айнытпай танып білуге үйретеді.

Халықаралық Абай клубының «АМАНАТ» журналы жанынан шығып жатқан 200 томдық Кітапхана Қазақстанның тәуелсіздігінің 10 жылдық торқалы тойына лайық тарту.

Отанымыздың болашағы — жастарға аманат қылып — Кітап қалдырамыз.

Мен Абай клубының адамгерлік әрекетін қолдаймын. Қазақтың көрнекті жазушысы Роллан Сейсенбаевтың «АМАНАТ» журналы мен 200 томдық Кітапхана шығарудағы ұлағатты бастамасына шын жүрегіммен қуанатынымды білдіргім келеді. Отанымыздың рухы мен мәдениеті үшін барын салған жазушыны Қазақстанның ұлтжанды, нағыз патриоттары қолдайтынына сенімім зор.

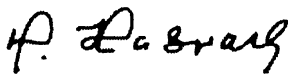
Жаңа басылымға ойшыл да, рахымды оқырман тілеймін.

«АМАНАТ» журналының 200 томдық Кітапханасы — Әлем халықтары әдебиетінің, өнерінің, тарихының, философиясының алғашқы томдары — дүниеге келуі тілге тиек етер, шын қуанар, үміт артар үлкен әлеуметтік құбылыс.

Кітапты аялайық, құрметтейік, кітапқа адал болайық!

Нұрсұлтан Назарбаев

Қазақстан Республикасының Президенті.

14 наурыз, 2001 жыл

Астана

ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ТАЛАНТОВ

Издаваемый Международным клубом Абая однотомник Габита Мусрепова «Однажды — и на всю жизнь» — достойный подарок к 100-летию великого писателя. У нас, жителей области, расположенной на крайнем севере Сары Арки, особый повод радоваться данному событию.

Наш щедрый и гостеприимный край является родиной классиков казахской литературы — Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Ивана Шухова, Магжана Жумабаева. Истоки же их творчества в бесценных творениях, ярком созвездии имен их предшественников, гордости казахского народа — Тлеуке Кулепина, известного под именем Шал-акына, Кожабергена-жырау, Акана-сэре, Сегиз-сэре, Укили Ыбырай и других.

Особое место в этом созвездии принадлежит Габиту Махмудовичу Мусрепову — казахскому писателю, Герою Социалистического труда, академику, государственному и общественному деятелю, 100-летие которого по решению ЮНЕСКО широко отмечается общественностью не только Казахстана, но и стран ближнего и дальнего зарубежья.

В годы ожесточенной борьбы идеологий, когда не было никаких середин, он сумел сохранить позицию Человека, Гражданина и Писателя.

Вот почему каждое переиздание его произведений воспринимается как соприкосновение с личностью и судьбой человека, «однажды и на всю жизнь» посветившего себя служению народу, процветанию его языка и литературы.

Габит Мусрепов был необыкновенный человек!

Он сумел сохранить до старости свободу духа и, пожалуй, единственный из своего поколения не был сбит с толку, не изменил ни самому себе, ни мудрости своего народа!

Габит Махмудович не был горделивым человеком, он был подчеркнуто строг и требователен прежде всего по отношению к себе, своему творчеству.

Приезжая в родные места уже признанным писателем, Габит всегда возвращался к истокам своей жизни. Только

здесь, на родной земле «Жана жола» он мог соприкоснуться с тайнами человеческого бытия в полном слиянии с природой, в общении с людьми, близкими ему по духу.

Есеней, Мусреп, Улпан, Акбала, Кайсар, Отарбай, Аклима - эти образы были наполнены бесчисленными историческими реалиями, отразившимися в судьбах его земляков. В них - годы юности, любви, страданий и поисков, обостренного чувства справедливости самого писателя.

Человека подобного масштаба создает эпоха. Но и человек оказывает влияние на Время, осмысливая его, противоречаему и созидая новые нравственные ценности.

На произведениях Габита Мусрепова воспитана целая плеяда мастеров культуры и искусства края. Это художники, писатели и поэты, актеры и музыканты — творческая интеллигенция, представляющая весь спектр национальных культур региона.

Наша земля всегда была богата культурными традициями. Одним из крупнейших событий последнего времени в культурной жизни региона стало открытие в Петропавловске казахского музыкально-драматического театра им. С.Муканова. На IX Республиканском фестивале театров, молодой коллектив театра, смело ищущий свои темы, художественные решения и оригинальные формы сценического воплощения, признания коллег и зрителей, по праву завоевал «Гран-при» фестиваля.

В ожидании X Республиканского фестиваля театров, посвященного 100-летию писателя, который пройдет в Петропавловске в октябре 2002 года, театры региона: старейшая театральная труппа республики, вступившая в 115-й театральный сезон — Северо-Казахстанский русский драматический театр им. Н.Погодина и молодой казахский театр осваивают богатую драматургию Габита Мусрепова.

Год 100-летия великого земляка станет для северо-казахстанцев годом истинного обновления и открытий, временем познания, призывающим нас острее высветить связь времен, наше будущее.

Кажымурат НАГМАНОВ,
аким Северо-Казахстанской области

ОДНАЖДЫ –
И
НА
ВСЮ
ЖИЗНЬ

I

Д

ве недели Еркебулан почти не слезал с седла. Он проводил в аулах собрания — беспокойные, с самыми неожиданными поворотами и всплесками настроений, порою бестолково-крикливые... По решению уездного ревкома на местах создавались совдепы.

Молодой поэт, которому недавно исполнилось двадцать четыре, во время этой поездки с удивлением обнаруживал, как вознесла его людская молва.

— О-о, Еркебулан!..— говорили про него.— Двадцать два было парню,— ему бы за девушками бегать да по тоям ездить. А он? Он уже был среди тех, кто замахнулся на самого царя! Теперь рядом сверкают шашки Колчака, пули свистят, а Еркебулан не побоялся встать под красное знамя. У него сердце батыра. А какой поэт!..— И на память приводили его стихи.

Молодой поэт действительно находился в самой гуще событий, и его имя не зря связывалось со всем, что происходило в степи. А

возвышенные сравнения в его стихах простодушный народ воспринимал в прямом смысле. Буря — значит буря самая настоящая. Охваченная пожаром степь. Сильные и гордые орлы, устремившиеся к вершинам. От взмахов орлиных могучих крыльев и поднялась эта буря.

Он так тогда чувствовал и так писал об этом.

Днем Еркебулан провел собрание в волостном центре. Подходящего помещения там не было, и толпа расположилась у подножия невысокого холма.

Казалось бы, ежедневные выступления должны были притупить у него способность зажигаться, и слова от частого употребления могли потерять силу и необычность. Но стоило ему увидеть собравшихся людей, заметить ожидание в их настороженных глазах, и он забывал про усталость, про то, что выступал только вчера и что завтра ему снова выступать...

Еркебулан говорил о свободе, которая, размахивая красным флагом, пришла в степь к казахам. Одни приветствуют ее, другие — шарахаются в сторону, третьи притаились и ждут... Чего ждут? Кто-то толкует о верности законам отцов, о покорности. А кто видел покорного муллу или покорного бая? Нет, им не для себя нужна покорность! Но так больше не будет, говорят большевики. Нет больше унижения, нет неравенства. Надо покончить с горькой несправедливостью судьбы. Но право на счастье придется еще отвоевывать.

Время от времени до него доносились возгласы:

— Верно говорит, а? Откуда только слова берет?

— Ну, джигит! Пожалуй, поручу я детей и жену аллаху, а сам подамся к нему в товарищи, если возьмет.

— Дай бог увидеть своими глазами хотя бы половину того, что он обещает!

Это шумели кеден¹, по вековой привычке устроившиеся сзади. Им явно правился ладный джигит. Обычная черная рубашка со стоячим воротником, черные суконные брюки, заправленные в остроносые сапоги, и тонкий кав-

¹ Кеден - бедняки.

казский ремень с серебряной отделкой — все это удивительно ему шло. Им нравилось, как он откидывает назад густые черные волосы. И его речь, в которой была уверенность, вселяла в них надежды.

Собрание уже близилось к концу, и на этот раз Еркебулану казалось, что все сойдет благополучно. Но тут выяснилось, что на груди — под чапанами и покоробленными шубами сидевших лежали не только тымаки-ушанки. Кое-кто и камень припрятал за пазухой.

Качнулся передний ряд, оттуда посыпалось:

— Эй вы, рвань! Тихо! Раскудахтались!

— Хватит болтать, голодранцы несчастные!

Задние опешили. Нет, они не испугались. Просто не нашлись сразу, что ответить. Слово-то привычное, хорошо знакомое. Но странно было услышать его опять, в то время, когда наступила свобода, наступило равенство, как говорил этот приехавший из города джигит. Еркебулан тоже замолк. «Голодранцы несчастные» — кто бы мог это выкрикнуть?

Он оглядел первые ряды и ни на ком не сумел остановить взгляд. Но тут невзрачный серолицый человек с немигающими, точно у змеи, глазками крикнул:

— Помолчите, вы! Помолчите там! Дайте послушать приезжего человека. Я спросить хочу. Можно спросить?

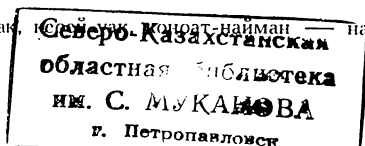
Это он...

— Спрашивайте, — ответил Еркебулан, сразу приготовившись к какому-нибудь подвоху.

— Вот не могу я понять... — начал тот грустно, как бы печалась о собственной непонятливости. — Классовая борьба — это как? Аргын-кипчак схлестнется с керей-уаком, а потом в их драку влезет и конрат-найман?¹ И все они должны будут колотить друг друга? Я правильно понимаю?

«А может, обычный аульный дурак-краснобай?» —

¹ Аргын-кипчак, керей-уак, конрат-найман — названия казахских родов.

523.345

подумал Еркебулан и, усмехнувшись, поинтересовался:

— Вы в самом деле не поняли? Или просто так, язык захотелось почесать?

— Нет, нет! Как можно! Я хочу знать...

Но к этому времени задние ряды уже пришли в себя.

— Как же! Узнать он хочет!

— Знает он все, этот Бериш, только прикидывается дураком!

— Не отвечай, парень, не отвечай ему! Мы знаем, кто натравливает этого пса!

Еркебулан поднял руку, чтобы успокоить толпу, и снова заговорил о классовой борьбе. Нет, речь идет не о родовой вражде. Пусть аргын-кипчаки и конрат-найманы живут в мире между собой. Им нечего делить. А враг у всех один.

Он посмотрел на сидящих в первом ряду. Они сидели багроволицые от постоянного обжорства, жирные, как осенние дрофы. И одеждой они не могли сравниться с теми: все в добротных плюшевых камзолах и мерлушковых, низко надвинутых на лоб шапках. Глаза их шныряли, будто мышата бегали взад-вперед.

Передние перекидывались вроде бы ничего не значащими словечками. Рукоятками камчей, обмотанными медной проволокой, они то и дело толкали Бериша: «А ну, ужаль!.. А ну, еще подкуси».

Вы всё слышали, сыны степей! — сказал Еркебулан. — Смотрите сами... Вам жить на этой земле. Вам и решать. Многие, наверное, видели от-арбу¹. Можно ли остановить паровоз, когда он мчится, развевая длинную черно-бурую гриву? Вот так и новое время — оно сметет тех, кто попытается его задержать.

Он замолчал, и сразу взорвались насмешливые возгласы:

— А, хитрозадый Бериш, что же ты замолк? Язык свой поганый проглотил?

— У, лиса! Заткнулся?

¹ От-арба — дословно: огненная повозка, поезд.

— Спина у тебя не чешется, Бериш? Истолкали ведь всего...

Но Бериш, как будто и не к нему относились все эти колючие слова, опять поднял руку:

— Слушать тебя, джигит, — что хороший кумыс пить в жаркий летний день. Красиво говоришь... И про красный флаг, и про от-арбу. Но я человек простой, неученый. Ты объясни мне. Ты пастбища отдашь бедняку. Скот — тоже ему. Власть теперь опять же в его руках, в натруженных, мозолистых, как ты сказал. Но смотри сам! В конце концов твой бедняк разбогатеет и сам — баем станет. Тогда как? У него будете все отбирать и раздавать бывшим баям?

Еркебулан не сразу нашелся, что же ответить. Ловко ты, Бериш, поворачиваешь! В груди похолодело от злости, и он уже знал, что вот сейчас наповал сразит ответным словом наглого байского прихвостня. Так бывало — и не раз.

Но он ничего не успел сказать. Задние ряды взметнулись и смешались с передними, и толстобрюхие стали отступать, огибая холм. Между ними вертелся тощий Бериш, увертываясь от десятков рук, тянувшихся к нему. Кто-то крыл матом чью-то рваную ушанку, кто-то — чей-то приплюснутый нос, кто-то — чей-то палец, высунувшийся из рваного сапога...

Бериша все же схватили, швырнули на землю, и от нескольких хороших пинков он откатился в сторону. Плюшевые камзолы сбились в кучку и, отступая, затравленно шипели: «Эй, эй ты! Потише!.. Потише». Ни гордой осанки, ни грозного вида, ни самоуверенной ухмылки — ничего не осталось. И плетеную камчу никто из них не решился пустить в ход.

Они отступили и скрылись за холмом.

Еркебулан стоял немного поодаль. К нему подходил высокий плечистый старик. Два молодых джигита хотели взять его под руки, но он недовольно повел бородой и отстранил их:

— Да вы что, дети мои? Думаете, я без вашей помощи уже и не взойду на бугор?..

Возле Еркебулана старик остановился. И толпа, следовавшая за ним, замерла. Вот так — разойдется народ, что река в половодье, а схлынет — как маленький ручеек.

— Нам передавали твои слова, сынок: «Наступает твой день, народ! Выходи встречать зарю новой жизни». Мы слышали о тебе и вот собрались послушать умное слово. И не ошиблись в надеждах. Верно я говорю? — Он повернулся к своим: — Такой может сам обмануться, но другого не обманет.

Еркебулан почтительно слушал старика. Еркебулану не приходило в голову объяснять такой исход собрания зажигательностью своих речей. Нет, это время, время все расставляет по своим местам.

— Спасибо на добром слове, отец. Я рад, что мои слова коснулись вашего сердца — скромно, как подобает младшему рядом со старым, умудренным жизнью человеком, ответил Еркебулан. — Я только сказал, а решать всем вам...

...Об этом собрании, о стычке между «плюшевыми камзолами» и «рваными шубами» Еркебулан продолжал думать, подъезжая верхом к маленькому аулу на берегу озера Кзыл-Мола. Он вспоминал и то, как откровенно неприязненно сказал ему волостной управитель Мырзакельды: «Выходит так, товарищ полномошын¹, перессорил у нас людей, сорвал собрание, взбаламутил народ? Да? Смотри, чтоб потом не пожалел». Больше ничего не надо было от него слышать, чтобы определить, чью сторону он держит, кому тут он друг и кому — враг. Еркебулан резко сказал волостному: «Не забудь, что ты должен дать мне лошадей ехать дальше».

Солнце уже садилось, когда Еркебулан вместе с неразговорчивым провожатым добрался до Кзыл-Мола и спешился возле небольшой белой отау².

¹ Полномошын — искаженное: уполномоченный.

² Отау — юрта молодоженов.

II

Хозяин вышел ему навстречу. Он производил странное впечатление. Один его глаз недоверчиво ощупывал гостя, а другой смотрел куда-то в сторону, и нельзя было понять, кому он подмигивает, а кому плутовато-заискивающе улыбается. Иногда казалось, что он пересчитывает появившиеся на небе звезды.

— А лошади где? — спросил Еркебулан поздоровавшись. — Волостной говорил, что мне тут дадут коня до города.

Теперь на Еркебулана смотрел подобострастный глаз хозяина:

— Куда торопиться? Ведь поздно уже. Мы не знали, мы отпустили коней в табун. Заночуйте у нас. До вашего города пятьдесят всего верст. Завтра мигом доставим.

— А ты кто? Заместитель аульного старшины?

— Да, заместитель. Только решил отказаться. — Другой глаз уперся в Еркебулана. — Выгоды никакой, а хлопот много. Того встретить, того проводи. Пойду в каператып¹.

Откинулся войлочный полог, и молодая стройная женщина появилась перед Еркебуланом. Ай да косоглазый! Какую жену отхватил себе! Как он ее усмотрел?

Женщина, продолжая поддерживать полог, другой рукой сделала приглашающий знак.

Еркебулан вошел.

В юрте супружескую кровать закрывал старый выцветший занавес из пестрого шелка. Подстилка, одеяла, подушки, крытые самым дешевым полосатым ситцем, — все говорило о том, что хозяйева очень далеки от достатка.

Хозяйка указала ему почетное место у очага.

— Можно? — спросил Еркебулан, показывая на домбру. Домбра лежала на пестро раскрашенном сундуке.

¹ Каператып — искаженное: кооператив.

— Конечно, — ответила она, не сумев скрыть своей радости.

А хозяин по-прежнему сумрачно молчал. Его явно что-то тревожило, он места себе не находил. «А мы вот откочевать собрались», — виновато промямлил он и вышел из юрты, но тут же вернулся и стал объяснять, что его старик отец уехал к волостному и почему-то задерживается.

Еркебулан снова остался один в юрте с домброй в руках. Он не любил хлестать по струнам. Он едва касался их пальцами, и от этих незаметных прикосновений рождалась легкая, ускользящая мелодия. Вот пробирается по степи спокойный ручей. А это — ветер заглянул по дороге в шумную и беззаботную тополиную рощу...

Молодая женщина тихо, чтобы не мешать ему, откинула полог и впустила парня с охапкой дров. Затеплился огонь в очаге, и когда он разгорелся, в юрте сразу стало просторней и веселей. Справа висело на стене выложенное серебром дорогое седло, а рядом с ним — изящная камча с ручкой, туго обмотанной проволокой. Медь и серебро тускло поблескивали, и казалось, о чем-то перемигиваются между собой в свете пламени.

За дастарханом стало уютно. Молодая хозяйка наливала густой пахучий чай с подогретыми сливками. Она явно старалась выказать незнакомому гостю свое уважение. Возможно, хотела сгладить впечатление от сумрачного молчания мужа?

— В неудачное время вы нас посетили, акын-кайным¹... Соседние аулы откочевали на джайяу. Одни мы тут торчим. Нет ни джигитов, ни девушек. Нет для вас достойных слушателей. Безрадостный вечер с унылыми супругами — вот что ждет вас сегодня.

— Почему вы думаете, что безрадостный? Что может быть дороже искренней доброты и сердечного внима-

¹Акын — поэт; кайным — ласковое обращение к младшему по возрасту.

ния? — вежливо ответил Еркебулан и взглянул было на хозяйку, но тут же почувствовал, что косой хозяин одним глазом нацелился на него, а другим — на жену. Еркебулан чуть рот не разинул от удивления. Ну и ну! А может, просто ревнует? Знает же, наверное, себе цену и ей, такой красавице?

Юноша, сидевший на корточках у стены, заметил изумление на лице гостя и не удержался, прыснул. Женщина догадалась, что его рассмешило. Она сказала словно невзначай:

— Кайсар, чего ты? Ты не можешь, как человек, не шнырять глазами вкривь и вкось?

Муж пропустил мимо ушей обидный намек.

— Послушай, неужели тут нигде нет поблизости коня, хоть какого-нибудь? — обратилась она к нему. — Послали бы Кайсара в аул Бузау-ата. Позвали бы молодежь к нам... А?

— Нет, — коротко ответил косоглазый.

— Зачем конь? Я и так могу сбегать, мигом всех соберу. Им только скажи, что у нас в гостях акын!

Юноша чуть привстал. На нем был светлый из овечьей шерсти чапан, слабо затянутый в поясе, из-под чапана проглядывала голая грудь. Оспинки на лбу и на щеках не портили его лица, оно было открытым, доброжелательным. Видно, легкий, исполнительный парень этот Кайсар.

Но в ответ и на его предложение сбегать хозяин снова отрубил:

— Нет...

— Да почему это нет?! — возмутилась она. — Или мы людей боимся? Или каждый день к нам приезжает акын, которого могли бы послушать наши соседи? Им же такая ночь на всю жизнь запомнится. А ты одно знаешь: нет, нет, нет...

Хозяин не посчитал нужным объяснить ей свое несогласие. Видно, он привык к ее постоянному неодобрению и перестал обращать внимание на просьбы жены.

Еркебулан пожалел, что не проявил твердости и не

заставил сегодня же дать ему коня, чтобы ехать в город. Семейные ссоры — пусть лучше ссорятся без посторонних.

Снаружи послышался торопливый перебор конских копыт.

— Ты что задержался? — резко спросила у мужа женщина. — Это к нам? Ты ждешь кого-нибудь?

Он не ответил, продолжая настороженно смотреть на дверь.

Кони приблизились, остановились возле отау. Было слышно, как спешиваются всадники. Двое из них показались в дверях. Легко одеты, не похоже, чтобы собирались в дальнюю дорогу. Гости или преследователи? Снаружи, на слух, тоже остались двое-трое. Еркебулан вспомнил слова волостного Мырзакельды: «Смотри, чтоб потом не пожалел...»

— Добрый вам вечер, — сказал один из вошедших.

— Проходите, проходите... — С ними хозяин разговаривал совсем другим тоном.

— Как здоровье, Акбала? Все ли благополучно в доме, Отарбай?

Только теперь Еркебулан узнал их имена. Конечно, такая милая приветливая женщина должна быть Акбай. Странно было бы назвать ее иначе. Не дай бог — как-нибудь Ултуган или Даметкен¹...

Вошедшие разговаривали с хозяевами как с давними знакомыми. При этом они с любопытством поглядывали на Еркебулана.

— Э, а куда вы путь держите? — спросил хозяин.

— Да так, потерю ищем, — загадочно ответил один из них.

— Присаживайтесь, — пригласила хозяйка.

Едва они сели за дастархан, как снаружи вдруг кто-то рявкнул:

— Отарбай!

¹ Женские имена: Акбала — светлый, чистый (буквально — белый ребенок); Ултуган — родившая сына; Даметкен — обманувшая надежды.

Хозяин чуть втянул голову в плечи и не сразу решил-ся подняться и выйти.

— Эй, Отарбай! Сколько тебя звать! Он уже направлялся к двери с каким-то виноватым видом. Акбала успела бросить ему вслед:

— Смотри, не вздумай привести сюда...

Джигиты снова покосились на Еркебулана и поэтому не заметили короткого требовательного взгляда, который Акбала бросила Кайсару. Тот понял ее и тут же вышел. Один из джигитов вел себя спокойно, а другой делал вид, будто ничто, кроме чая, его не занимает. Еркебулан догадался, что хозяин вовсе не из ревности не находил себе места после его приезда.

В юрте наступило молчание, а снаружи наставительно гудел сильный бас. Слов разобрать было нельзя, но говоривший что-то требовал, к чему-то принуждал. Заискивающий тенорок хозяина поначалу возражал ему, жалобно и робко. Потом совсем умолк, заглушенный потоком баса.

Видно, предупреждение Акбалы не подействовало. Следом за Отарбаем в юрту вошли двое. Первым — верзила в сатиновом камзоле, перепоясанном красным кушаком. Глядел он мрачно, на лице выдавалась верхняя — заячья губа. Он держался как предводитель. Его спутник был тенью возле него. Верзила стал у двери и окинул собравшихся недобрый взглядом. Спутник тоже провел глазами по всем.

— Здорово, эй, баба! — сказал верзила, и его спутник пошевелил губами, словно повторяя сказанное.

Акбала, не поднимаясь от дастархана, ответила:

— Разве от тебя человеческое слово услышишь?

— Хо! А кто ты такая, если не баба? Или забыла, как тебя в голодный год продали за одну паршивую корову, за полмешка зерна? Забыла?

— Нет, не забыла. Но вот тебе, тебе проглотить меня все же не удалось. Рот-то дырявым оказался.

Женщина всегда остается женщиной... Акбала ударила в самое больное место, намекнув на его заячью